„Молодежь Молдавии"
г. Кишинев

24 мая 1986 г.

Евгений ДОГА:

«СОВЕСТЬ ВЫБИРАЕТ РАБОТУ»

ЧЕЛОВЕК всю жизнь, или серьезную, взрослую часть своей жизни может готовиться ответить на какие-то вопросы или задавать их себе сам. Потом он становится свидетелем того, как эти вопросы в его присутствии заданы и на них дан долгожданный ответ, и отчего-то испытывает уверенность, что это случилось для него одного. Настолько долгожданной оказывается эта минута. Такое впечатление на меня оказал XXVII съезд нашей партии. То, о чем говорилось на нем, и в первую очередь — в Политическом докладе, давно и горячо обсуждалось с друзьями, в семье, с коллегами, но важно, что все это было сказано вслух, для нас, и о нас. Мы были давно готовы к этому разговору, и он не опоздал — потому все чувства, нервы, сознание приведены теперь в движение и художнику остается только вписаться во время всеми своими контурами, всей своей работой, как говорится, быть на уровне. Уровне чего? На уровне будущего, а не прошлых достижений, на которые легко ссылаться, когда прошлое — огромной важности исторический отрезок, и в нем запечатлелись творения высшего художественного порядка. А что останется после нас, нашего времени? — задаю себе вопрос.

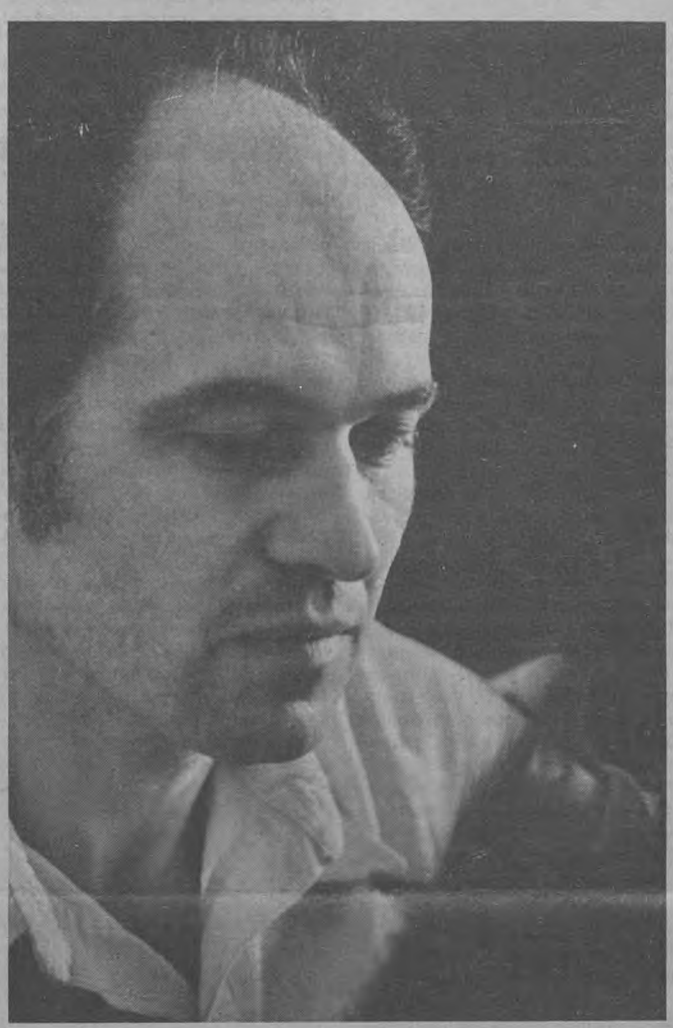
Я НИКОГДА не любил бодрячков в искусстве. Есть что-то фальшивое в их суетности, мельтешении, радостно-бодром настроении, в их ежемгновенной готовности найти в жизни что-то вкусное, на потребу удовольствий, какими бы они ни были — даже если эти удовольствия тоже «высшего» порядка — как осознание славы, например. В этом смысле я бы не доверил и людской тяге к счастью. Постоянная тяга к счастью, как к ряду картин сменяющихся радостей, — это химера. Бездумное счастье, как сказал классик, — непродуктивно. Радость труда, счастливое сознание выполненного нравственного, духовного долга — вот истинное счастье. Я не живу, я несчастен, если мне не работается. Я ловлю себя на том, что мне совестно смотреть на людей. Я прячусь, я ворчлив, словом, — несчастен. Но, если мне писалось, если родилась музыка, я выхожу на улицу и с гордостью, и радостью ловлю взгляды, рад заговорить, и такое чувство, что солнце толкается в стены, что ему тесно, как тесно сердцу в груди.

Мы почему-то до горести мало говорили в последнее время о труде. То есть да, говорили, но излишне громко и обобщенно, а ведь труд это личное дело совести каждого. Может быть, поэтому произросло чиновничье равнодушие и формализм, что за общими фразами, цифрами, валом можно спрятать свою никчемность, деятельность без дела, фанаберию и бескультурье. В искусстве это сказалось появлением скользящих по поверхности событий, мыслей и чувств, произведений, имитирующих настоящий труд и настоящую нравственность. На VII Всесоюзном съезде композиторов, состоявшемся почти сразу после партийного съезда страны, об этом было сказано прямо. И опять — совпадение мыслей и чувств, поражающих прямо в сердце. Я готов подписаться под многим из выступлений Р. Щедрина, А. Петрова... Как назрело то, о чем они говорили, если разные по стилю художники, с разными пристрастиями в искусстве вдруг заговорили об одном! О чем же — в главном? О профанации искусства? Об этом сейчас много и жарко говорят и спорят в прессе. Нет, пожалуй, не это меня так поразило. Заговорили о массовом искусстве, поглощающем пристрастия молодежи. Р. Щедрин достаточно резко сказал о том, что если совсем недавно «комсомольская пресса.. печатала беседы о шедеврах музыкальной классики, о симфониях Бетховена, Брамса, о Бахе (замечу в скобках — ставила «коварный» вопрос «Нужен ли Бах?» — Е. Д.), то сейчас, к великому сожалению, комсомольская печать (не вся! — добавлю от себя) ограничивается лишь перечнем хит-парадов и эстрадных исполнителей, очень многих, в том числе западных. Это ли не потеря тех достижений, которые мы имели раньше».

Р. Щедрин — крупный композитор, заострил эту мысль полемически, потому что увлеченность современными танцами, эстрадой, массовыми праздниками, привела незаметно к тому, что мы изрядно запустили эстетическое воспитание молодежи, или, как он сказал на съезде, — «потеряли целое поколение слушательской аудитории». В самом деле — мы как-то забыли о классике. Потребительскому отношению к духовной культуре не то, что нет и не может быть места в нашей жизни, но и вопрос так не может стоять в нашем обществе, обществе, которое, по словам Ленина, создаст «красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом».

Однако, и тут только труд, а не потребительство рождает надежды. «Сытого накормить труднее», — говорят в народе. О чем эта поговорка? О том, что чем развитее человек, чем шире доступ к ценностям культуры, тем большую потребность человек в них испытывает. Но накормить можно и полезными, и вредными для организма вещами — а чувство сытости появится.

Иногда мне кажется, что мы теряем вкус к серьезной сложной, самозабвенной работе. Продолжая ту же тему потребительского отношения к культуре, скажу, что на наших радио- и телестудиях охотнее записывают вокально-инструментальные ансамбли, чем балеты, симфонии или хоры. Да, ВИА записать куда проще. Это можно сделать и за несколько часов. Балет или иная сложная музыкальная форма требуют большего тщания, и время занимают у оркестрантов куда больше, зависят от слаженности действий многих и многих людей. Это следствие того, что многое в воспитании вкуса пущено на самотек, ибо почему-то было решено что спрос и предложение всегда будут на одинаковом уровне. Так оно, кстати, и получилось. Снижение одного, как в сообщающихся сосудах, повлекло за собой снижение другого. На радио и ТВ чаще пишет молодежь. Она хочет эстрады. Ее активно включают в программы и эстрада, развлекательно-бодрая, звучит по всем каналам. Я не против эстрады, нет (и не могу быть против, отдав ей солидную дань творчества), но эстрада — не в силах заменить всей музыки, она лишь одно из ее направлений.



МЕНЯ вообще волнуют многие тенденции насаждения массового восприятия искусства. Тут у нас явно не все еще в порядке. Многие концерты в программах радио и ТВ — союзных и республиканских — составляются по заявкам слушателей. Радио и ТВ обладают огромной воспитательной силой, силой воздействия на умы и настроения миллионов людей. Но чаще стали отбираться для этих программ вещи, как правило, низкопробные, затертые, дешевые. У нас в республике на радио выдумали «новую» музыкальную форму — «Калейдоскоп мелодий», в котором многие произведения — эстрадные, конечно! — вообще звучат «без запятой», подряд, анонимно. Это тоже косвенный признак того, что составляются эти «калейдоскопы» все-таки с чувством потери индивидуальности автора, подчас — справедливым! Композиторы оказываются на одно лицо. Эти «калейдоскопы» говорят и о другом — о чувстве потери индивидуальности... слушателя! Об элементе массовой культуры. Есть огромная разница в понятиях «массовая культура» и «культура для масс». И не надо путать два этих понятия! Если первое рассчитано на невзыскательный вкус и имеет сугубо развлекательные цели, то второе воспитывает, подъемлет дух, выпрямляет душу.

Не надо в культуре и в эстраде особенно играть на самых простейших эмоциях человека — «мышечных», что ли. Не надо воспитывать пассивное восприятие жизни у молодых, а наша эстрада как раз этим в последние годы, по-моему, активно и занялась. Прав был Олжас Сулейменов, напомнивший нам через «Литературную газету», что культура без классики — это бескультурье. Без прошлого нет будущего. А эстрада, конечно, не виновата. Она может и должна впитывать соки классики. Ни один музыкальный жанр не может быть виноват, что он стал полигоном для соревнования «кто больше количеством и хуже качеством», как произошло сейчас с нашей песней, которую считают вправе сочинять полупрофессионалы, случайные в искусстве люди. Замечу, что профессионалы как-то «сдали позиции» под натиском «людей со стороны» — иначе как объяснить, что XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве не оставил нам ни одной запоминающейся песни? Мы, композиторы, пытаемся подступиться к нашему советскому человеку-труженику — написать о нем песню. Но таких песен рождается мало, а хороших — еще меньше. Все задушевные теплые песни о человеке труда мы поем из репертуара двадцатилетней, а то и большей давности. То же относится и к молодежной тематике. Не надо было подходить к теме с какими-то внешними критериями. Только с внутренними. Приблизиться к духовному началу человека во всей сложности его, «разъять» современность, обнажить ее — вот цель и задача!

Это относится и к режиссерам, снимающим фильмы на «производственную тематику», и к композиторам, пишущим песни о БАМе, где слово «БАМ» повторяется каждые полтакта, а души у песни нет, и к тем телевизионщикам, которые, когда хотят показать труд, — по старинке снимают дымящийся, фырчащий, подающий пар на весь экран паровоз. Устарело! Устарел и вреден уже такой подход к труду. Паровоз был нужен когда-то, когда вся страна, как ребенок, радовалась каждому своему успеху, и паровоз, станок, автомобиль казались последним достижением. Но мы выросли!

Гулом и скрежетом металла сейчас современника не проймешь. Ему нужно отражение себя — в труде. Однако, тенденции механического подхода к этой теме сильны и плотно вошли в ряд штампов и общих мест в искусстве. То же — в кино. Я не советуюсь с режиссером, когда у него на экране появляется тот же паровоз. И знаю, что он захочет сквозь гудок подать музыку, а потом заскрежещут тормоза... Откуда и как вошел этот штамп в наше сознание — уже неважно, другое дело, как поскорее от него избавиться. Что придет ему на смену? Когда мы наконец откажемся от постановки вопроса некоторых ведомств культуры: «нужна песня (музыка, поэма, роман) о труде, о производстве, о заводе»? Почему — не о ЧЕЛОВЕКЕ ТРУДА? Не о ТРУЖЕНИКЕ? Какой же труд без человека? Куда исчез человек, который этими станками управляет? Мы, похоже, на какое-то время уподобились человеку, который хочет испечь пирог с помощью... паяльника. «Пирог» печется в «духовке», где его с разных сторон подогревает равномерный и прочный жар. Вея сфера, весь дух, весь жар духовной жизни страны. А «паяльником» его можно только зарумянить с одной стороны. Внутри же он будет сырой. Так и с душой человека. Она у нас то разгорается в одном участке невозможной температурой слов, восклицаний, а с другой — чахлая, слишком остывшая.

В последние годы из-за канцеляризма, заорганизованности, формализма, мы долго не могли вплотную подступиться к великой стройке, большой, созидательной стройке души человеческой. Как измерить такую работу? Мы, вроде, не знаем, в чем ее измерить, потому что не было еще вручения переходящего Красного знамени за сдачу в эксплуатацию готовой здоровой человеческой души. Но нам давно ясно, что и знамена вручаются не станкам, а людям. И в человека сегодняшнего дня нужно и можно вглядываться без боязни, что он окажется не таким правильным, «плакатным», беспроблемным.

Этот Человек сложен, и надо видеть, в чем его проблемы. Правильно мы начали заботиться о том, как и где отдыхает молодежь. Беспокоит другое: дотационное отношение к молодежи вызвало, к огромному сожалению, у нее иждивенческие настроения! Где-то затормозило ее взросление и самостоятельность. Парадоксально, что мы сделали все, чтобы она двинулась вперед, вооруженная прогрессом, а получилось наоборот. Она как бы топчется на месте, взрослея поздно и неохотно. К тому же, некоторая часть молодежи живо откликнулась на такой сомнительной ценности стимул, как комфортное, обеспеченное, беспроблемное существование.

Часть художников еще подбросила дров в костер; работает над созданием какой-то особенной культуры для молодых.

Мы упорно над ней работаем. Над ее ритмами, цветом, даже модой. Мы искусственно обедняем интеллект молодых. Не надо выхолащивать такие вечные понятия, как искусство, эстетика, музыка и придавать им черты карнавала и бесконечного праздника.

Особенность никем не названной, но создаваемой на наших глазах «культуры для молодых», состоит, по-моему, в намеренной облегченности песенных тем, музыкальных решений (взять хотя бы ориентировку на модную «италообразную» манеру петь — под Тутти, Аль Бано и т. д.). Характерной чертой этой выдуманной культуры является почему-то ориентировка на дискотеку, как законодателя моды. А ведь дискотека далеко еще не стала тем музыкальным клубом, о котором мы когда-то мечтали — она «замерзла» на уровне модной танцплощадки — и все! Дискотечная волна захлестнула эстраду, и оттого нам нечего оказалось ей противопоставить, что танцевальный пустячок-бодрячок оказался кстати, он всюду требовался, везде был нужен — на ТВ, в дискотеке, в концерте по заявкам. Композиторы-эстрадники, похоже, не были готовы к такому повороту событий, и самые талантливые из них не переиначили моду «на ходу». Напевность, задушевность, настоящая лирика отступили в тень, появились сентиментальность, ложный пафос, беспомощные повторы в нашей эстрадной песне.

Нам нужно пересмотреть многое в деле организации досуга молодых — иначе мы потеряем возможность влиять на вкусы и их воспитывать, и это кто-то сделает за нас. Музыкальные традиции наших народов, советской культуры настолько сильны и мощны, что заимствовать нам можно и нужно у себя же. На съезде композиторов я встретился с американским композитором, который выразил восторг и удивление, что у нас так сильны традиции фольклора и народной музыки. Между тем, у нас есть проблемы в искусстве, и именно в области эстрады, которая требует прилива свежей воды народных истоков.

Партия и правительство обозначили сегодня для всего советского народа пути прямые и бескомпромиссные. То же касается и культуры. Даже, может быть, в первую очередь культуры, она — сфера духовная. Здесь не место подмене и фальсификации. Но, думается, нам многое придется переиначивать, перестраивать в этом плане.

Чтобы быть достойными своего времени. А это время перемен пришло!